

ДРАМА НА ТРЁХ СТРАНИЦАХ - 2

Полынья

Елена Ворон

Драма на трех страницах - 2

«Автор»

2025

Ворон Е.

Драма на трех страницах - 2 / Е. Ворон — «Автор»,
2025 — (Полынья)

Каждый из этих текстов — доказательство того, что настоящая художественная вселенная может уместиться на трёх страницах, а сила слова способна перевернуть сознание читателя за несколько мгновений. Здесь нет места случайным деталям — только выверенные фразы, отточенные до совершенства, и эмоции, которые обрушиваются на читателя с первых строк. В этом малом формате скрыта огромная мощь: трагедии и надежды, ирония, боль и тихие откровения жизни упакованы в лаконичные, но предельно насыщенные сюжеты. Каждый рассказ — это целый мир. Мир, который живёт по своим законам, дышит своими страстями и оставляет след в душе. Это истории, где каждое слово работает на пределе, а финал всегда оказывается неожиданным, но неизбежным — как сама жизнь. Идеальное чтение для тех, кто верит, что истинная литература начинается не с количества страниц, а с глубины мысли и силы эмоций.

© Ворон Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Слово редактора	5
Наталья Лебедевская. ЕЁ ЗОВУТ ЖУЛДЫЗ	10
Оксана Ююкина. ГОЛОС	14
Лариса Львова. ДУЛЯ	16
Лидия Мельнечук. ВСЕГО ОДИН ЧЕЛОВЕК	19
Олег Пронин. ОДИН ПЛОХОЙ ДЕНЬ	23
Евгения Симакова. АНГЕЛАМ БОЛЬНО ПАДАТЬ	27
Константин Соколов. МАКЛАЯ	31
Михаил Стародуб. УВИДЕТЬ СМЕРТЬ	35
Евгения Блинчик. ТЕЛЕФОННЫЙ НОМЕР	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Ралот, Ляля Фа, Юлия Цыбульская, Ольга Кузьмина, Лариса Львова, Инна Девятьярова, Виктор Моисеев, Анастасия Егорова, Евгения Симакова, Алла Антонова, Елена Ворон, Tai Lin, Раиса Кравцова, Марина Найбоченко, Наталья Кравцова, Павел Крапчитов, Лена Толина, Стасия Полецкая, Даниэла Данкевич, Николай Хрипков, Александр Гор, Евгения Блинчик, Денис Краснов, Андрей Макаров, Андрей Пучков, Наталья Волгина, Анна Горева, Оксана Ююкина, Александра Окатова, Наталья Лебедевская, Екатерина Шрейбер, Лидия Мельнечук, Олег Пронин, Регина Климович, Константин Соколов, Михаил Стародуб, Вероника Булычева, Лидия Гусева, Ольга Новель, Надежда Квасова, Ксения Котова, Ника Созонова, Макс Эмгэ, Аким Нелин, Марья Тралялянская

Драма на трех страницах - 2

Слово редактора

Перед вами – сборник рассказов-финалистов второго сезона литературного конкурса «Драма на трёх страницах». Каждый из этих текстов – доказательство того, что настоящая художественная вселенная может уместиться на трёх страницах, а сила слова способна перевернуть сознание читателя за несколько мгновений.

Здесь нет места случайным деталям – только выверенные фразы, отточенные до совершенства, и эмоции, которые обрушиваются на читателя с первых строк. В этом малом формате

скрыта огромная мощь: трагедии и надежды, ирония, боль и тихие откровения жизни упакованы в лаконичные, но предельно насыщенные сюжеты.

Каждый рассказ – это целый мир. Мир, который живёт по своим законам, дышит своими страстями и оставляет след в душе. Это истории, где каждое слово работает на пределе, а финал всегда оказывается неожиданным, но неизбежным – как сама жизнь.

Идеальное чтение для тех, кто верит, что истинная литература начинается не с количества страниц, а с глубины мысли и силы эмоций.

Юлия Карасёва

Алла Антонова. ПОЕДЕМ В ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД

Тёмный забор, почти упавший в глину, и одуванчики. Сквозь разбитое окно торчит клочок кружевной и когда-то белой занавески. Катя сползает на землю прямо у калитки и плачет. Ради этого она ехала?

– Хватит! Перестань! – кричит за стеной бабка.

Дед Коля снова пришёл поддатый. Когда он выпивает, то из него лезет агрессия. Придирается и к бабке, и к Кате. Хлопает дверью и может пнуть ботинком Грушу. Поэтому Катя прячет кошку у себя, как только видит, что дед пьян.

– Ууу, бездельницы, сидите на моей шее, ещё и указываете мне, что делать! – Дед хочет стукнуть кулаком по столу, но неверная рука соскальзывает, и удар не получается. Он круглыми стеклянными глазами смотрит на слабые пальцы, словно удивляясь, почему и они его не слушаются.

– Коля, иди спать, срамота одна. Перед соседями же стыдно.

Дед воинственно размахивает руками, угрожает губернатору и почему-то Сталину. Бабка увещевает и ругается. Катя сидит тихонько в комнате, прижимает Грушку и иногда плачет.

Наутро бузотёр трезвеет и мается чувством вины. Гладит кошку, обнимает бабку и, заглядывая в глаза, с ностальгией, от которой щекочет на душе даже у Кати, заводит извечную песню:

– Машуня, а поедem в Павловский Посад! Ты помнишь, какие там яблони?

Бабка пользуется его чувством вины и выговаривает сердито:

– Позорище просто! Каждую пятницу пьёшь! Мне как соседям в глаза смотреть? Вчера на кусты у подъезда кто ссал? Райка всё видала! Мне теперь даже здороваться с ней неловко! Как кобель дворовый! Ты что – до дома не мог дойти пять шагов?

– Машунь, ну, наверное, приспичило, немоготу было идти. Да Бог с ней, с Райкой! А знаешь, что её сыночек ненаглядный, Костик, два дня назад на заводской проходной попался? Кабель тащил! Не знаешь? А то-то же. Так Райке и скажи, если что говорить будет. И гордо ей в лицо смотри! Ты у меня умница, Машуня!

Дед лезет обниматься, бабка отпихивается и смеётся. Потом они, конечно, мирятся и вместе начинают убирать квартиру. Только дед подходит к холодильнику и хлебает из банки рассол, когда бабка не видит.

В следующую пятницу всё повторяется.

– Машунь, ну давай в Павлов Посад, а? Домик там хорошенький, тёплый! И нам место будет, и Катюшке на втором этаже комната! А выйдешь с крыльца – и по траве, по росе! Ты грядки заведёшь. Я тебе шланги проведу, чтобы поливать легче было. Поедем? Там соловьи по ночам.

– Ба, – спрашивает как-то Катя, – что за дом в Павле Посаде?

– Павловском, – поправляет бабка, – дед там родился. Домик за ним сохранился. Мы раньше там жили, до того, как ты родилась.

Бабка задумывается и уплывает светлыми белёсыми глазами старости в прежние дни.

– А потом? – не выдерживает Катя.

– А потом суп с котом! – сердится бабка. – Не о чем говорить, это дед по пьяни да с похмелья вспоминает.

Катя растёт и дедовы пятницы переползают на среды, а потом и на понедельники. А бабкины глаза всё светлеют и светлеют. И только неизменно остаётся домик в Павловом Посаде – с похмелья. Улица Муранова, дом девять. Дед как-то шепнул ей адрес и подмигнул. Может, правда, а может, пьяный был, наврал.

В одну из пятниц дед приходит не сам, приводит Райкин сын. Не приводит – притаскивает. Бабка открывает дверь, охает. Костик устало сваливает деда в коридор и уходит, не отвечая на бабкино «Спасибо».

– Всё, Маша, пенсия! — торжественно вскинув руку, объявляет дед и в тот же миг роняет руку на пол, а голову – на грудь и храпит.

На пенсию деда выпроваживают – надоело пьянство терпеть. А он, оставшись без опоры и крепкого мужского коллектива, запивает ещё горше.

И они уже не обнимаются с бабкой, помирившись, по утрам. И на все его «Машунь, Павлов Посад, поедem, родная» бабка зло отмахивается и ворчит только, что совсем из ума выжил.

– Бабуль, может, свозим его? – предлагает Катя. – Я Лёшку из группы попрошу, он поможет. Давай?

– И ты туда же? Дался вам этот Павловский Посад! Вези его куда хочешь! Мне дела нет. Пусть хоть под забором там околеет.

Но Кате не хочется оставлять эту идею. Она советуется с Лёшкой, и он соглашается помочь ради пары карих глаз, в которые влюблён с первого курса.

Дед в тот день трезв. Но Катя не говорит ему, куда они едут. Дед спит в машине под радио «Романтика», а Катя с Лёшкой переглядываются, как заговорщики. Навигатор довозит до нужного дома.

– Ты уверена, что адрес правильный? – спрашивает Лёша, выглядывая на заброшенную улицу.

Они выходят из машины и подходят к дому. Дед пока спит. Катя сползает и плачет. Она даже не может объяснить, почему возлагала столько надежд на этот дом. «Там яблони, и роса, и так приятно ходить босиком», – наверное, поэтому.

Утыкается лбом в тёплые доски.

Она не знает, что делать. Быстро залезать в машину и увозить деда, пока не проснулся? Поздно.

Катя слышит, как хлопает дверь. Слышит тяжёлые стариковы шаги за спиной.

Дед молчит. И Катя нервничает.

– Катюня...

Она отрывает лицо от калитки и оглядывается. Дед тянет руки к дому и тоже плачет.

– Катюня, мой дом, домик.

Он счастливо улыбается и шагает навстречу обветшалому забору, разбитым стёклам. Как родного, дед приветствует старый покосившийся дом. И открывает калитку. Катя с притихшим Лёшкой переглядываются.

Пить деду теперь некогда, только ругается, что руки дрожат. Разбитые окна пока фанерой заколачивают. Подводят свежие столбы под крышу на пару с Лёшкой. Катя моет, чистит домик изнутри. Занавесочки привозит. Такие же, как были, только новые. Потом и до новых стёкол руки доходят. Лёшка приезжает с удовольствием. Катя даже переживать начинает. Она-то Лёшке ничего не обещает и не предлагает. Только как-то случается, что они сидят на закате на крыльце, и так хорошо этим тёплым вечером, что Лёшка придвигается близко и целует сначала в плечо, а потом, поощряемый молчанием, тянется к губам. Красивый закат во всём виноват.

Катя ныряет в любовь, и всё забыто – и дед, и домик. Выныривает в какую-то пятницу. Приходит раскрасневшаяся со свидания.

– Бабуль, покушать что есть? – задорно кричит с порога.

– Картошку, Катя, пожарила. А ты, паразит, накушался уже.

На табуретке в кухне сидит дед и качается, уперев стеклянный взгляд в кромку стола.

– Дед, ты чего? – ахает Катя. – Давно же не пил, чего вдруг сегодня?

– Дом его дурацкий сгорел, проводка замкнула, – бабка припечатывает тяжело, со вздохом. Проводит по чистому столу тряпкой. И ещё раз.

Катя садится рядом.

– Дедуль... – шёпотом зовёт.

– Катюня, – отзывается дед. Поднимает взгляд от стола.

Боль, разведённая водкой, плещется в мутных глазах.

Дед молчит, качается. Останавливается.

– Машуня, а давай в Павловский Посад поедem. Там роса, знаешь, какая? И яблони.

Наталья Лебедевская. ЕЁ ЗОВУТ ЖУЛДЫЗ

Сауле лежит на спине. Земля тёплая, влажная после дождя. Пахнет мокрой травой, навозом и тюльпанами. Кони пасутся рядом, слышится их нервное, шумное дыхание. Худенькие руки Сауле сжимают липкую деревянную рукоятку ножа, что торчит из её живота.

Жарко.

Песчинка попала в глаз. Хочется почесать, но двигаться нельзя – больно. Крупные слёзы катятся по щекам Сауле. Мысли в голове пролетают пёстрыми сапсанами.

Никто.

Никто не найдёт её в густых зарослях цветущего тамариска. Странно, но Сауле совсем не страшно. Её беспокоит другое. Что теперь будет с малышкой Жулдыз? Нельзя оставлять девочку сейчас. Рано. Всего восьмой год пошёл. Отец Сауле – хромоногий, угрюмый Айдар – уже стар и не сможет вырастить девчушку. Хоть бы он не забыл сегодня забрать Жулдыз из школы, переживает Сауле.

Она опять трогает живот дрожащими пальцами. Пятно на платье мокрое, ткань тяжёлая, давит, словно камень.

Глазки Жулдыз озорными искорками возникают перед лицом Сауле. Голос звонкий, словно весенний ручеёк.

«Мама, а эта ящерка из сказки?» – маленький пальчик указывает на пепельного геккона, пока тот неподвижно замер на камне, греется под палящим солнцем.

«Да, Жулдыз, она самая. Всемогущая царица Тынышкуль. Ветреная, но добрая и справедливая. Загадывай скорее желание!»

И девочка замуривает глазки.

«Мама, мама, а эти яблоки волшебные?»

«Да, моя хорошая. Их вырастила щедрая Умай. Ешь скорее и угости подружек!»

Жулдыз смеётся, прыгает на тоненьких ножках в белоснежных сандаликах, а медовые косички парят вместе с ней в знойном воздухе. Сауле берёт свою зеленоглазую малышку на руки, обнимает и целует в щёчки и нос, поправляет брошку с перламутровой стрекозой на груди. Улыбается. Но внутри у Сауле горит страх. Она боится, что может лишиться своей дочки.

* * *

Сауле шестнадцать. Больничные стены давят, и кружится голова. Пахнет спиртом. Фельдшер Жания Радиковна осторожно кладёт ладонь на худенькое плечо.

– Никогда тебе не родить, девочка. – Старая врачиха обнимает её. Плачет.

Сауле закрывает лицо ладонями. Дрожит. Как всё забыть? И звериные глаза его. И пальцы, что лезли, куда нельзя незамужним. И рваный жёлтый сарафан в белый цветочек, который сжёг потом отец. Любимый сарафан Сауле.

Из дома долго не выходила. Стыдно. Все в селе знали уже. Отец гонял мальчишек, что мелкие камни в окно кидали. А кто-то самый наглый написал на заборе белилами: «Порченная».

Отец забор покрасил. Жизнь дальше продолжилась.

Старый Айдар принёс младенца в дом через год после той беды. Девочке и месяца не было отроду. Завёрнутая в белую пелёнку, она не кричала, а просто открывала маленький рот.

Сауле встревоженно поглядела на отца, тот нахмурился:

– В трактор мне подкинула. Ну, эта... Райка. Я её искать, а она... – махнул рукой. – Нет нигде. Кукушка!

О Рае в Карагаше нехорошо отзывались. Она не жила в селе, только изредка приезжала. Крутила то с одним, то с другим. Сауле даже видела её несколько раз и слышала, как соседки говорили, что Шайтан давно забрал Райкину распутную душу.

Ребёнок закричал.

Боль заметалась в животе Сауле. Тонкими иголочками побежала прямо к горлу, улеглась горечью на языке. И она молча взяла девочку на руки. Прижала. Ничего в тот момент не произошло. Ни тепла не почувствовала, ни холода. Совсем ничего.

Молока нашли у соседки, накормили. Сауле в чистое запеленала малютку и качала, качала всю ночь. Мычала под нос мелодию, которую сама сочинила. Спать совсем не хотелось. Отец тоже не спал, ворочался, а как только солнце в окно заглянуло, вскочил. Поехал опять Райку искать. Но та уже упорхнула за лучшей жизнью.

– Давай оставим? – Сауле посмотрела на отца тоскливо, думала: закричит, рассердится.

Старый Айдар промолчал. Закурил, во двор вышел. А когда вернулся, пьяными глазами на Сауле уставился и сказал:

– Её будут звать Жулдыз.

* * *

Он притормаживает машину рядом с Сауле. Смотрит с ухмылкой:

– Помнишь меня? Она молчит.

– А я тебя запомнил, красивая, – глаза хищные щурит, губы треснутые облизывает, – вот опять к вам приехал. Повторим?

Восемь лет прошло. Сауле сразу его узнала, только виду не подала. Просто подбородок к груди опустила, задрожала, шаг прибавила. Букет пудровых тюльпанов в руках крепче сжала, сок потёк сквозь пальцы.

– Давай подвезу, слышишь? Садись. Сауле молчит.

– Кому сказал, садись! – он цедит уже сквозь зубы.

И Сауле рванула вправо с дороги. Побежала по тёплой земле после дождя, по хрустящей траве к черепаховым пескам. Он резко остановил машину, выскочил за ней. Зарычал. За несколько размашистых шагов настиг. Толкнул огромной ладонью за кусты. Навалился сверху, вдавил лицо во влажную землю.

– Только пикни!

Огляделся. Нет никого. Развернул её с силой, нож к животу приставил, заулыбался. Она резко дёрнулась вперёд. Вскрикнула. Испуг увидела в его глазах. Когда лезвие в живот вошло, всё внутри полыхнуло болью. Но тогда Сауле понимала, что второй раз его мерзкие руки она не переживёт.

– Ты чего натворила, дура?! – Он вскочил, руками замахал растерянно. – Я ж не хотел. Ты зачем сама? Дура узкоглазая!

Попятился, спотыкаясь о земляные кочки.

Сауле слышала, как взревел мотор. Как взвизгнули колёса, затрещали мелкие камни по бамперу. Как наступила тишина, изредка прерываемая ржанием лошадей.

* * *

Сауле лежит на спине. Земля тёплая, влажная после дождя. Пахнет мокрой травой, навозом и тюльпанами. Кони пасутся рядом, слышится их нервное, шумное дыхание. Худенькие руки Сауле сжимают липкую деревянную рукоятку ножа, что торчит из её живота.

Жарко.

Стрекозы разрезают влажный воздух. Огромные. Блестящие. Иногда они зависают над лицом Сауле, дребезжа прозрачными крылышками, и тут же исчезают. Сауле медленно пово-

рачивает голову за одной из них и видит: на обочине машина останавливается. Сжимается всё внутри. Неужели вернулся? Нож забрать? Проверить, жива ли?

Нет, другая машина.

– Да я быстро, Ренатик. Только пописать сбегаю. – Голос женский. Пьяный. Весело хохочет. – А уж потом мы с тобой зажжём!

Короткая джинсовая юбка. Топ чёрный ажурный, грудь большая колыхается, того и гляди выскочит. Рыжие кудри в хвосте на самой макушке.

«Я здесь. Посмотри на меня, – умоляет Сауле про себя.

Голоса нет, да и сил крикнуть. – Посмотри...»

Рыжая сидит на корточках, песню про бухгалтера голосит. Потом встаёт, трусы натягивает, колготки в сетку. Сигарету закуривает, двигается обратно к машине, но резко оборачивается. Застывает.

– Слышь, Ренатик, там, похоже, лежит кто-то.

– Рая, поехали... – Мужской голос недовольный, усталый. – Нажрался кто-то, всех подбирать будем?

– Да погоди ты!

Трава хрустит под лакированными лодочками Раи, высокие шпильки утопают в земле. Она подходит к кусту, заглядывает осторожно. Испуганно смотрит на Сауле. Садится рядом, сигарету о землю тушит.

– Ох ты ж! Милая. Как тебя угораздило? Разворачивается, кричит:

– Рена-а-ат! Гони в Карагаш за врачами. Тут девочку порезали. Сильно.

Рая наклоняется ближе. Проводит пальцами по лбу Сауле, откидывает спутанные влажные волосы с лица.

– Держись, милая, держись, – шепчет Рая, – Ренатик мигом – туда и обратно. Держись только.

Сауле молчит. Рассматривает смуглое, изрезанное тонкими морщинами лицо. Помада размазана. Блестящие клипсы в ушах. Зелёные глаза с ровными синими стрелками. Взгляд хмельной, весёлый. Неровная татуировка ящерицы на груди.

– Это Тынышкуль, – улыбается Рая, поймав взгляд Сауле.

– Мой оберег. И тебе поможет. Не засыпай только. Ладно? Тих-тих. Молчи. Не разговаривай.

Рая вытирает рукой мокрый лоб.

– Я же здесь семь лет не была, представляешь? Завтра опять уеду, – шепчет она, глаза отводит в сторону и губу закусывает. – Дочка у меня в Карагаше живёт. С отцом... С ним лучше, сама понимаешь.

Замолкает. Тихонько гладит Сауле по голове.

– Мать бы из меня всё равно хреновая вышла. Только этим себя и успокаиваю. – Пожимает плечами и нервно улыбается.

– Даже не знаю, как её зовут...

Сауле закрывает глаза. Глотать больно, горло сжимается.

Делает вдох носом. Короткий. Ещё два прерывистых вдоха.

– Тих-тих, милая. Вон уже и Ренатик. И скорая. Всё хорошо с тобой будет, слышишь? Хорошо...

Рая вытягивает шею, выглядывает из-за куста тамариска, машет в сторону, и двое мужчин в белых халатах подбегают к Сауле. Один из них раскрывает чемоданчик, ругается, достаёт шприц и ампулы. Кричит второму, чтоб бежал за носилками.

– Жул-дыз, – выдыхает Сауле, не отрывая от Раи заплаканных глаз.

Та хмурит загорелый лоб. Наклоняется ближе.

– Чего? Не поняла я.

Сауле опускает ладони на землю и сжимает липкими пальцами траву.
– Её. Зовут. Жулдыз.

Оксана Ююкина. ГОЛОС ТАЙГИ

Говорят, что за воем выюги не слышно крика души. Говорят, что хруст снега заглушает звук рассыпающегося на осколки сердца. Говорят, что в северной стуже никто не увидит застывшие льдинки в уголках глаз. Говорят, говорят, говорят... Люди вообще очень много болтают. Думают только мало, а знают и того меньше.

Но об этой истории не знают ни абаасы¹, ни иччи², ни люди. Разве что бродит юёр³, одинокая и холодная, готовая поведать свою историю каждому, кто будет слушать. Но есть ли хоть кто-то, кто заметит едва уловимый шёпот тоски по разбитым мечтам?

Улуу Тойон⁴ в те дни ещё не был покровителем шаманов и главой абаасы верхнего мира. Был просто Улуу, который никогда не встречал людей. Она стала для него первой.

Несуразная, краснощёкая, перепачкавшаяся в земле. Задравшийся тангалай из ровдуги⁵ да звенящие на весь лес колокольчики вместо привычных подвесок. Яркий фиолетовый цветок, крепко сжатый в пухлых пальчиках, и испуганный взгляд карих глаз. Глаз, затягивающих быстрее болотной трясины.

Улуу замирает. Айта поднимает руку, пытаясь прикоснуться к нему. Её губы растягиваются в по-детски открытой улыбке, той самой улыбке, которая предвкушает важнейшую в жизни встречу. Улуу сбегает, так и не позволив себя коснуться. Ветви елей ещё долго обнимают его плечи, ветра поглаживают жёсткие крылья, напевая заунывным шёпотом песню первой любви. Пока звучит эта песня, ноги Улуу не коснутся тайги.

Улуу украдкой наблюдает, подсматривает в тёмное мутное окошко. Окошко, в котором Айта растёт. Пухлые щёки сменяются выразительными скулами, перепачканная грязью кожа становится перемазанной мукой и жиром, растрёпанные косички превращаются в плотную, украшенную цветами косу. Только хитрые карие глазки по-прежнему продолжают звать в свои топи каждого, кто посмотрит. Улуу смотрит. Смотрит год за годом, день за днём. Он мог бы с закрытыми глазами найти каждый шрам, царапинку и даже маленькую родинку на смуглой шее. Улуу знает об Айте даже то, чего она знать не может. Знает, но лишь продолжает смотреть. Смотреть днём и ночью, забывая обо всём на свете.

Улуу смотрит, как Айта учится шить, смотрит, как Айта поёт и спотыкается в танце. Смотрит, как в Айту влюбляются, устраивают охоту на дичь ради её улыбки, приносят дары. Айта опускает глаза и скромно качает головой. Улуу облегчённо вздыхает ровно тринадцать раз. Четырнадцатому вздоху облегчения случиться не суждено. Айта говорит своё молчаливое «да». Улуу больше не подходит к своему окну.

Стужа кидает снежинки в лицо, выюга поёт о разбитом сердце, пока ноги Улуу погружаются всё глубже в махровую мягкость сугроба. Не следы, а глубокие дыры остаются за ним в белоснежной глади тайги. Такие же дыры зияют в его душе. Улуу возвращается к прежней жизни. Его глаза вновь видят сотни миров, которые больше не заслоняет улыбка Айты. В этих

¹ Абаасы — объединённое название злых божеств и духов верхнего, среднего и нижнего миров в якутской мифологии (прим. ред.).

² Иччи — духи-хозяева предметов, вещей, явлений природы или определённых мест в якутской мифологии (прим. ред.).

³ Юёр — это персонаж якутской мифологии, бесприютная душа человека, умершего преждевременной или неестественной смертью, или душа шамана (прим. ред.).

⁴ Улуу Тойон — антропоморфный глава злых духов (абаасы), обитатель верхнего мира, покровитель шаманов в мифологии якутов (прим. ред.).

⁵ Тангалай — традиционная женская якутская одежда. Ровдуга — замша из оленьей или лосиной шкуры (прим. ред.).

мирах к нему взывают, просят помощи и справедливости, умоляют наслать мор и болезни на врагов. Впервые за одиннадцать лет Улуу слышит их зов.

Его окно остаётся чёрным, мутным, слепым, пока он не слышит голос. Голос Айты, просящий Юрюнга подарить ей много детей и семейное счастье, сберечь её родных от гнева и болезней, насылаемых Улуу.

Теперь Улуу хочет лишь одного – больше никогда не слышать голоса Айты. Не видеть её улыбку, предназначенную не ему. Не видеть её тонкие пальцы, ласкающие не его плечи. Не видеть. Не слышать. Не чувствовать. Не знать её. Длинный, до самого пола, тангалай навсегда врежется в память Улуу, досмотревшего свадьбу Айты до последнего гостя.

Он всё ещё видит, как нежные пальцы оглаживают мех на одежде, как крепкие зубы в тревоге кусают мягкие губы, как льётся реками кумыс и щедро раздаётся мясо. Обряд за обрядом – и она на шаг ближе, чтобы стать чужой. Улуу щёлкает зубами, пытаясь понять: когда же она стала его, если он даже не позволил ей к себе прикоснуться? Яростный клёкот заставляет окно темнеть, вырезая лучами света улыбку Айты под веками.

Улуу становится абаасы верхнего мира. Легко, играючи, даже не замечая, какое влияние он имеет. Всё так же он приходит на зов шаманов, насылает болезни, несёт справедливость в сердца, урасы и балаганы. Только к одному голосу он остаётся глух. Тоненькому голоску, что сгорает в страданиях пятый раз, приводя в мир новую жизнь. Тоненькому голоску, который проклинает эту самую жизнь и своего мужа. Тоненькому голоску, слабо молящему о смерти и освобождении.

Улуу закрывает глаза, пытаясь не слышать, не думать, не вспоминать. Тоненький голосок замолкает совсем, чтобы однажды закричать громче всех в его голове. Его имя. Его? Кого же ещё можно молить о смерти... Сотни раз Айта убеждала других абаасы сберечь от Улуу Тойона, просила у иччи защиты для своих детей и мужа, чтобы однажды взмолиться ему? Улуу замирает. Замирает, чтобы попытаться забыть, что у него когда-то было сердце. Беломордая рыжая лошадь надрывно кричит, заливая кровью лесные сугробы. Ритуальная жертва, которая принесёт Айте желаемую смерть. Теперь он не сможет отвернуться от этой просьбы.

В третий раз ноги Улуу касаются тайги, когда Айта почти не дышит. Она просила защиты, милосердия, покровительства у всех, кроме того, кто мечтал ей всё это дать. У него Айта просит лишь быстрой безболезненной смерти, которой он дать не может. Он может только мучить, испытывать, посылать смерть навстречу. Алые лужи на белоснежном снегу и кровавые полосы от медвежьих когтей кажутся чужеродным, лишним, страшным подтверждением услышанной мольбы.

Улуу это зрелище не пугает. Он оставляет глубокие следы на сугробах, не слыша ничего, кроме рваного ритма чужого сердца.

Айта замирает. Улуу опускает к ней руку, пытаясь прикоснуться. Её губы растягиваются в по-детски открытой улыбке, той самой улыбке, которая предвкушает важнейшую в жизни встречу. Улуу сбегает, забирая с собой тепло её пальцев в когтях. Ветви елей ещё долго обнимают безжизненное тело, ветра поглаживают смоляные волосы, напевая заунывным шёпотом песню первой любви. Пока звучит эта песня, ноги Улуу никогда не коснутся тайги.

Шаманы, иччи, абаасы – каждый знает, что стоит позвать

– и Улуу Тойон придёт. Каждый знает, что Улуу Тойон справедлив и силен. Каждый знает, что у Улуу Тойона нет и никогда не было сердца. Знает, знает, знает. Духи вообще очень много знают. Говорят только мало, а рассказывают и того меньше. Но об этой истории не знают ни абаасы, ни иччи, ни люди. Разве что бродит Улуу, одинокий и холодный, готовый поведать историю каждому, кто будет слушать. Но есть ли хоть кто-то, кто заметит едва уловимый шёпот тоски от разбитого своими же руками сердца?

Лариса Львова. ДУЛЯ

Куркины приобрели усадьбу в Средней Елани в начале нового века, как только вышли на пенсию. Дом на окраине села достался совсем дёшево и уже окупился бы с рыночной торговли, если бы не аппетиты невестки Гальки. Ей ведь то отдельную квартиру подай, то шубу новую, то отдых на каких-то островах. Сама же расщедрилась только на внучку. Свёкров навещала регулярно, но больше командовала, чем работала.

Поначалу Куркиным показалось, что с соседом им повезло: слабоумный мужик, инвалид с детства, почти не умел говорить, но выручал по хозяйству. Всё, за что бы он ни брался, выходило ладно да крепко. Посадки вблизи Дулиного участка росли как на дрожжах. Фира разузнала, что мужика прозвали Дулей из-за сходства профиля с фигурой из трёх

пальцев: низкого покато лба, курносого носа и скошенного подбородка. При такой отталкивающей внешности Дуля был безмерно добрым и безотказным, целыми днями в любой сезон вкалывал на чужих хозяйствах. Не брал ни копейки, зато стараниями сельчан был сыт и даже одет, правда, в обноски. А ему большего и не хотелось. Пенсия по инвалидности и арендная плата за пай земли копились на сберкнижке, которой Дуля не пользовался. Обитал в большом доме – наследии матери-председательницы, не пережившей развала совхоза.

Конец спокойной среднееланской жизни наступил в марте, когда в доме инвалида появились пришлые цыганки. «Желека и Шизель, – объяснил Дуля сельчанам. – Ильна упят». Как же, сильно любят! Нашли безответного дурачка и внаглую вселились в его дом! Степанычу и его жене Фире было до слёз жаль инвалида, павшего жертвой обмана Анжелики и Жизели. За три месяца они успели полаяться почти с каждым семейством в селе.

Сегодня Степаныч вышел покурить, распахнул окно недавно отремонтированной веранды. В лакокрасочную духоту вместе с ночной свежестью ворвался женский визг от соседского дома. Видимо, начались внутренние разборки.

Дзынькнули разбитые стёкла. Что-то бухнуло, и старенький заборчик, который разделял огороды, с натужным скрипом и треском свалился на кабачковую грядку. Вспыхнуло дворовое освещение – это на крыльце появилась Фира.

Меж тем к разбушевавшимся женщинам спешил Дуля, ласково и укоризненно приговаривая: «Желека... Шизель...»

И тут грянул залп ругательств с крыльца. Фира не постеснялась в выражениях. Цыганки, увидев в её руках мобильник, быстро растворились среди частокола сорняков на Дулином огороде. Сам же гостеприимный хозяин разгромленного дома и заросшей земли жалобно тянул, глядя на Фиру: «Инада... Иричка... инада». Степаныч отчего-то раздражался, когда слышал это «инада». Как бы то ни было, но соседский лепет всегда умиротворяюще действовал на грозную Фиру. Она высказывалась всё медленнее и наконец почти спокойно закончила:

– Сам знаешь, только один мой звонок участковому – и на тебя дело заведут. Отправят в психушку, а твой гарем – в тюрьму.

Дуля уже перелез через рухнувшие доски и, склонив голову к левому плечу, сказал: «Исидись, Иричка».

Как так «не сердись»? Фира набрала воздуха в грудь, но с шумом выдохнула и удалилась в дом.

Степаныч с Дулей быстро управились с прикручиванием досок к столбам многострадального забора. Обменявшись прощальным рукопожатием, Степаныч спросил:

– На что тебе этот табор в доме? Гони шалав, пока они тебя не подставили.

– Упят... ильна упят, – застенчиво ответил Дуля.

Во дворе погас свет, ажурные занавески окрасились разноцветными сполохами, раздались приглушённые выстрелы. Это Фира села досматривать сериал. Пора и Степанычу домой, но отчего-то не хотелось...

– С чего ты взял, что они тебя сильно любят? – спросил Степаныч. – От ментов, поди, скрываются. Может, их из-за краж или наркотиков разыскивают. Вот они и решили у тебя пересидеть. А ты – любят, сильно любят.

Дуля растянул губищи в улыбке, зажмурил свои небольшие глазки и произнёс:

– Упят, акриста.

Степаныч от всей души сплюнул на рассадно-перегнойное месиво и отправился в дом, радуясь, что Фира не слышала соседа. Ишь ты, любят его, как Христа... А Степаныч – атеист по жизни, только вот жена с этим смириться не может.

Он проспал чуть ли не до девяти часов утра. Разбудил запах блинов. Фира похвалила мужа:

– И когда только успел поправить грядку? Молодец. А я полночи провертелась, не могла уснуть. Ну, думала, Галька разорётся из-за этих кабачков.

Степаныч недоумённо уставился на жену. А она, быстро перебегая от плиты к холодильнику, затрещала:

– Гляжу и глазам не верю: ни один не выпал, два к колышкам тряпочками подвязаны. Ровненькие, кажись, даже подросли.

Степаныч выскочил на улицу. Кабачковая грядка топорщилась бодрыми тёмно-зелёными листьями. А вчера он чуть не упал, поскользнувшись на раздавленных растениях. Надо же, на одном из них распустился ярко-оранжевый граммофончик. Подымив безвкусной сигаретой, Степаныч отправился заканчивать завтрак. Мрачно жуя блины, подумал: за десять лет так и не выяснилось, что за человек этот Дуля – то ли конченный идиот, то ли святой... Согласно пожизненному атеизму, выходило первое. Но иногда мнилось совсем другое.

Фира, управившись со стряпнёй, сказала Степанычу:

– Ты это... пригласи Дулю на блины. Вишь, какая гора?

Самим не осилить.

Степаныч согласно кивнул, но жена не успокоилась:

– Нет, лучше я схожу за ним.

Через пять минут она явилась без соседа. Степаныч всполошился и помчался к тётке Дарье. Вместе они два часа прождали участкового возле опорного пункта полиции. Участковый искренне взволновался из-за пропажи инвалида, поехал на «газике» к трассе, но быстро вернулся с заплаканным, молчаливым, потерявшим улыбку Дулей. Оказалось, что инвалид со слезами на глазах махал рукой всем проезжающим. С тех пор бедняга, из которого словно вынули душу, не проронил ни слова, тоскуя по сбежавшим цыганкам. Каждое утро провожал мчащиеся мимо Средней Елани автомобили. И вот что странно: на этом отрезке областной магистрали не стало дорожно-транспортных происшествий.

Совсем. словно бы Дулины слёзы смыли с четырёх полос движения все грехи и несчастья.

Ноябрьским сереньким утром Степаныча разбудило кошачье мявканье. Со сна подумалось, что жена опять закрыла Мульку в подполе. Степаныч подскочил и осоловело уставился на жирную кошку, которая шлёпнулась с кровати на пол и поленилась запрыгнуть обратно. Что за чёрт? Через минуту раздался требовательный стук в дверь.

Степаныч почувствовал, как быстро и тревожно забилось сердце. Фира приподнялась в постели и спросила озадаченно:

– Вроде ребёнок плачет? Иди, посмотри, старый...

Фира ошиблась. Плакали два младенца. На крыльце широко улыбался Дуля, держа в каждой руке по кульку, свёрнутому из плохоньких застиранных одеялец.

– Желека... Шизель... – объявил счастливец и почмокал, показывая, что новорождённым нужно молоко.

Вот, значит, как... Цыганские шалавы подбросили инвалиду ненужных младенцев.

Фира радостно погрузилась в заботу о подкидышах и вовлекла в богоугодное дело чуть ли не всё село. Дуля расцвёл и помолодел, с умиленной улыбкой наблюдая, как бабки кормят, купают, пеленают малышей. Участковый съездил в город, а на следующий день в Среднюю Елань нагрянула комиссия. Фира и Дарья встали на защиту Дулиного семейства, но старух уболтали помочь изъятию младенцев. Ведь инвалид детям никто и вообще слабоумный, хоть и при деньгах. Дарья, пряча глаза, объяснила Дуле, что нужно притащить из её дома старую кровать, которая уцелела после внуков-близнецов. Дуля радостно побежал за дитячьей мебелью. А когда вернулся, нашёл только четыре полосы автомобильных следов.

Фира и Дарья рыдали на веранде, Степаныч метался возле них, пять раз пытался выйти к соседу, но... так и не смог. Дуля исчез в этот же день. Сначала всем показалось, что село осиротело. А потом привыкли.

Прошло ещё десять лет. Соседский дом почти рассыпался, а огород пошёл ямами. Однажды к участку подъехали чёрный джип и минивэн. Из машин выбрались две молодки с девочками-подростками и группа рабочих в спецодежде известной строительной фирмы.

Степаныч, тетёшка долгожданного внука, подобрался к забору поближе, стал наблюдать и слушать.

Внезапно из чёрного дверного проёма, обмотанный паутиной куделью, под июльское солнце шагнул... Дуля. Протянул руки к красоткам с детьми и вымолвил: «Желека... Шизель». Женщины бросились Дуле на шею и заголосили.

Строители зашныряли по участку. Дуля сиял и словно обнимал всё вокруг мокрым взглядом. Увидел через забор соседа и зашпешил к нему, умудряясь не запутаться в высоченной траве и не угодить в ямы: «Паныч...аагой...» Степаныч позвал невестку: «Галина! Дитя возьми». Растолстевшая Галина выплыла на крыльцо и нехорошо прищурилась на суету. Она давно хотела купить соседний участок, но не удавалось. Молча взяла ребёнка, прошла в дом и открыла кухонное окно – подслушивать, ну как без этого?

– Дуля... соседка... ты где пропадал-то? – спросил Степаныч, пытаясь проморгаться.

– Нет, ниаадал, – ответил Дуля и показал на свои глаза,

– инада, Паныч, инада.

– Повезло тебе, Дуля, – всхлипнув, сказал Степаныч.

– Ты счастливiec... Встретился со своими... Желекой и Шизелью... Мож, и мою Фирку вернёшь? А? Хоть на минутку... внука показать...

Больше Степаныч не смог сказать ни слова, утёр разбухший нос о рубаху и затрясся в беззвучных рыданиях.

– Иричка... еде-еде, – тихо ответил Дуля.

– Да... Фирочка везде, – откликнулся Степаныч.

Он долго стоял, опустив голову, не поднимая глаз на соседа.

Тёплый ветерок то теребил волосы на затылке – «стричься пора, старый»; то вроде как трогал за плечо – «пора обедать, суп стынет»; то влажно дышал в сухие губы. Степаныч зажмурился и подумал: может, ему всё почудилось? Вот откроет глаза – и не увидит ничего, кроме бурьяна и чёрной от времени развалюхи. Тогда он сказал: «Верую!» Решительно, прямо глянул перед собой и улыбнулся обеспокоенному Дуле.

Лидия Мельнечук. ВСЕГО ОДИН ЧЕЛОВЕК

– Кажется, я смогу вам помочь, – доброжелательно произнёс УС-2026.

Мой желудок подскочил к горлу.

– Бесплатная врачебная помощь положена трудоспособным гражданам, чья профессиональная деятельность направлена на улучшение качества жизни, – продолжал андроид, на «лице» которого застыла доброжелательная маска, – ориентирована на благо и процветание государства, а также...

Я ждала, пропуская словесный поток мимо ушей: такие речи уже выучились наизусть.

– Пожалуйста, заполните анкету на лицо, за которое подаёте заявку. *А вот это уже что-то новенькое.*

Аккуратный палец робота подвинул мне тощую стопку бланков.

Возраст. Род занятий. Заработная плата. Средний размер налога, уплачиваемого за год...

Я закрыла глаза. *Нет. Одно и то же...*

Дело даже не в том, что месячный доход Али меньше, чем стоит задница этого андроида. И не в том, что Аля – воспитательница. Дело в том, что Аля – *бывшая* воспитательница. Что ей шестьдесят пять. У неё рак. И чересчур накладно выйдет лечить человека, который больше ничего не сможет дать в обмен – «для блага и процветания»...

Будь на месте Али я, весы, возможно, и качнулись бы в мою пользу.

Я отодвинула пустые бланки и закрыла дверь с той стороны.

* * *

Дома Аля лишь взглянула на меня – видимо, поняла всё по выражению лица. Я не могла сказать ей, что очередная попытка провалилась. Чтобы хоть чем-то заполнить тишину, ткнула в пульт мультимедиа.

– ...удалось понизить уровень восприимчивости андроидов на одиннадцать процентов, – вещал диктор с фальшивой, словно приклеенной улыбкой. – В более старых моделях, включая версии УС-2019 и УС-2020 точка один, этот показатель достиг двенадцати целых и трёх десятых процента... Таким образом, это позволит увеличить эффективность обработки обращений, в частности, улучшив критерии отсева тех заявок, которые не подкреплены объективной необходимостью, а базируются исключительно на эмоциональной составляющей...

– Каждого десятого будут отфутболивать, и всё, – буркнула Аля.

Я смотрела, как она с трудом поднимается и уходит к себе.

Провернулась дверная ручка, щёлкнул замок.

Понизить восприимчивость. Был фунт презрения – станет два?

Взгляд упал на небрежно вскрытый пластиковый пакет с алым крестом на боку. Его прислали сразу же, как только я подала первую заявку. На пакете значилось имя Али. А внутри...

В нос ударил запах фенола, возвращая меня в один из множества душных, пропитанных безнадегой кабинетов.

– И это называется помощью?! Этот «укол эвтаназии»?!

– Вы получили пакет? – ровным тоном переспросил андроид.

– Да вы что, издеваетесь?! Але нужен хороший врач, её можно спасти! Треть моего дохода уходит в Медикум – дайте нам шанс, мы его уже много раз оплатили!

– Алия Бун-Малл. Шестьдесят пять лет. Рак третьей стадии. – Андроид на миг застыл, видимо, считывая данные с сервера. – Всё верно?

– Да. И она не безнадежна – темпо-терапия...

– Вы получили пакет? – не повышая голоса, УС-2016 в третий раз задал вопрос.

– Да... – еле слышно шепнула я. Весь запал, вся злоба вдруг куда-то улетучились.

– Хорошо. Благодарю за подтверждение. Позвольте вам сообщить, что согласно протоколу за номером один восемь два пять дубль четыре, раздел три, подраздел гамма точка девять, по вашей заявке были предоставлены все возможные средства помощи, в соответствии с социальным статусом указанного в заявке лица, а также согласно действующей программе Рационализации. Все обязательства перед вами как заявителем, а также перед лицом, являющимся объектом запроса, выполнены. С этого момента ваше обращение считается обработанным и....

– Но вы ничем не помогли! Ничем!

– .. заносится в архив.

Аля. Она умирает. Моя сестра, мой Алёк... умрёт?

– Желаю вам хорошего дня.

* * *

Да, для всех знакомых мы давным-давно превратились в сестёр. Как знать – возможно, мы и правда были зачаты от спермы одного и того же мужчины. И яйцеклетки, выращенные в инкубаторе, принадлежали одной и той же женщине. Годами лежавшие в холоде и оплодотворённые с разницей в тридцать лет. Ирония, причуда случайного выбора. Но это объяснило бы нашу бесконечную тягу друг к другу.

Аля не была моей сестрой. Она лишь воспитала меня, как воспитывали всех нас, – с того момента, как покрытые кровью и слизью сморщенные комочки плоти покидали инкубатор. Многих она обучила, проложив путь во взрослую жизнь. Но только мне Аля подарила волшебство любви – таинство первого опыта и целый мир за сокровенной завесой. С того дня Аля перестала быть воспитательницей и стала для меня этим миром.

Мультивизор продолжал бубнить, возвращая в реальность. Во рту снова стало горько, совсем как в тот день – от злобы и бессилия. Все невысказанные ругательства, вставшие комом в горле, запросились на язык. Я схватила пакет и швырнула его об стену.

Канал сменился.

– ...достоинств, то здесь андроиды намного обходят служащих-людей. Их нельзя уговорить, нельзя подкупить. Вы можете разобрать андроида на части, но он будет продолжать настаивать на своём. Когда в муниципальных службах начали заменять клиент-менеджеров на андроидов, результат оказался ошеломляющим. Всего за год дефицит бюджета сократился на двадцать процентов – в первую очередь, за счёт снижения расходов на заведомо нерентабельные цели.

– Вы имеете в виду расходы бюджета на обеспечение нетрудоспособных, пожилых и...

– Этот вопрос проработан самым тщательным образом. Каждый гражданин имеет возможность претендовать на причитающиеся ему пособия. И этот процесс удалось ускорить и оптимизировать за счёт использования роботов.

– Но ведь служащие-люди ещё остались?

– Программа Рационализации пока не завершена, но более девяноста процентов бюрократического аппарата нижней ступени уже заменены андроидами.

– А нет никаких способов переубедить робота-упрямца?

– Никаких. Защитые в ядро протоколы на программном уровне строго задают правила утверждения просьбы или отказа заявителю. Кроме того, в каждого андроида заложена огромная база знаний из большинства прикладных областей, вплоть до нюансов, не известных даже узким специалистам. И это делает каждого робота универсальным. База едина для всех моделей, она ежедневно обновляется, и, например, клерк- андроид всегда в курсе...

Всегда... Я устала на расфуфыренного ведущего ток- шоу.

Любой робот-клерк мог установить, что Аля не безнадёжна. Любой из десятков, что прошли передо мной, знал это. Но они прислали пакет.

* * *

Девяносто процентов. Эта цифра билась в моей голове все последующие дни. Я спотыкалась об неё, как о пороги бесконечных кабинетов, за дверями которых неизменно оказывались стандартно-приветливые пластиковые лица.

И лишь к концу недели я вышла на него.

Сухонький старик в истёршейся вязаной кофте буркнул, не поднимая глаз от стола с бланками:

– С заявками в соседний кабинет.

Не услышав ожидаемого хлопанья двери, клерк оторвался от бумаг. Его водянисто-голубые глаза под набрякшими веками уставились на филёнку за моей спиной.

– Я же сказал – в соседний...

На стол, поверх его бумаг, легла моя папка. А на папку – увесистый свёрток.

– В ваших силах спасти человека. – Я оперлась ладонями о стол. – Просмотрите моё заявление. Это не отнимет много времени.

– Да что вы себе...

– Нужна только ваша подпись.

Я дёрнула одну из завязок, и фольга на свёртке расплзлась, шурша. Вынутый из сумки «барашек в бумажке» приземлился аккуратно на коробку с витиеватой вязью «Courvoisier».

– Я вас прошу.

Редкие седые брови клерка поползли вверх. Громко сопя, старик раскрыл папку и углубился в заявление.

Я продолжала стоять рядом со свободным стулом. Ремень сумки в руках стал противно мокрым.

– Нет. – Служащий отодвинул папку. – Я не пойду на такое. Меня же первого и привлекут, если узнают, что подписал бумагу на лечение пожилого безнадёжного...

– Моя сестра, – прошипела я, наклонившись, в его сморщенное, как курага, лицо, – не безнадёжна. Ей нужна терапия. Я уже не прошу бесплатного лечения. Мы будем платить – только дайте такую возможность. Дайте допуск!

– Извините.

Седые пушинки на висках клерка колыхались в такт отрицательным качаниям головы.

– В любом случае, документы заверяет начальница,

– будто в оправдание забормотал он. – Все через неё проходят – кабинет триста-бис, прямо по коридору. Высший уровень – гиноид УС-2026, класс «эм-эс-эс». Куда уж нам, человечкам...

Его скрюченные пальцы перебирали бумаги, как ребёнок треплет букет осенних листьев.

– Мы только подписи ставим, – говорил старик, – а её печать открывает все двери в Медикуме. Хотя, конечно, весь анализ заявок на нас, коли подписали – печать шлёпнет автоматом...

Аля. Алька. Алечка...

Воздух со свистом вышел сквозь сжатые зубы.

– Они же выбросили мою сестру. Списали со счетов, не дав шанса, когда она стала не нужна. Знаете, каково это? Прожить всю жизнь на вторых ролях? Обеспечивать их, воспитывать детей для них... и быть выброшенным, как... как робот устаревшей модели!

Кончик архаичной ручки задрожал в сухих пальцах клерка.

– Они уже выбирают, кому и как из нас жить и когда умереть.

Старик смотрел куда-то в сторону. Его угловатые плечи под заношенной кофтой искривила вечная сутулость.

– Разве вы...

Круглая бляха динамика, вмонтированного в столешницу, вдруг исторгла хриплый вопль:

– Внимание работникам! Администрация доводит до вашего сведения следующие изменения, вступающие в силу с сегодняшнего дня.

Плечи старика едва заметно вздрогнули.

– В связи с принятым постановлением о повышении эффективности обработки поступающих от граждан заявок, право сотрудников, не являющихся андроидами либо гиноидами, а именно – относящихся к семейству гоминид, низшая классификация «человек», на подписание заявок и передачу их вышестоящему руководству для утверждения приостанавливается...

Мои пальцы до боли стиснули сумку. *Боже...*

Динамик разрывался:

– В частности, новое положение запрещает роботам принимать документы с подписями таких служащих – все подписи автоматически аннулируются...

Ровные строчки на бланке расплылись перед глазами.

Неужели мы больше ничего не решаем?

– Обновление прошивки роботов займёт время.

Я подняла голову. Старик впервые смотрел мне в лицо

– его выцветшие глаза глядели на меня поверх нетронутого конверта.

– Бегите, – шепнул клерк, и его сухая рука ткнула подписанный бланк мне в ладонь, – возможно, вы ещё успеете. Кабинет триста-бис.

Олег Пронин. ОДИН ПЛОХОЙ ДЕНЬ

Трель будильника, словно сверло, впиалась в мозг. Ромка открыл глаза и сонно потянулся за телефоном. Но случайно столкнул его куда-то под кровать. Мысленно выругался – теперь уж точно не подремать «ещё пять минуточек».

Сознанием он был ещё где-то в прекрасном сне, доедал ведро мороженого. Но реальный мир и не думал его так просто отпускать. Наконец он отключил гадкую трель будильника (почему они вообще такие бесячие?) и потянулся.

Холодно. И клонит в сон. День просто отвратительный. Телефон тихонько пиликнул, и Ромка нажал на кнопку.

Свет синего экрана ударил по ещё не проснувшимся глазам:

«Буду в пять вечера у трубачей. Еле нашёл твой заказ. С тебя 2500».

Ромка тяжело вздохнул. У него на руках было только полторы тысячи. Ну что же, значит, надо где-то найти тысячу. Он пролистал переписки и кинул несколько сообщений знакомым, кто был ему должен. Затем поднялся с кровати и пошёл умыться. Со всего размаху мизинец угодил прямо по открывшейся двери.

Ромка схватился за стену и закрыл глаза. Надо переждать, пока боль пройдёт.

– Ты чего встал так рано? – удивилась мать.

Она как раз проходила на кухню, когда сын неудачно открыл дверь.

– По делам, – не подумав, буркнул Ромка. Её голос словно ударил ультразвуком.

– По каким ещё делам?! Тебе мало, что меня к директору на прошлой неделе вызывали? Думаешь, у меня времени свободного полно, чтобы по школам шататься?

– Так не ходи! – крикнул Ромка в сторону матери и, прихрамывая, добрался до ванной и громко хлопнул дверью.

Она продолжила что-то бурчать про уважение к старшим, но Ромке было плевать. Не до этого сейчас вообще. Пиликнул телефон. Похоже, никто деньги возвращать не собирался. Значит, всё же надо тащиться в город.

– Вот видишь, что из-за тебя случилось! – Мать явно была недовольна. – Сестру разбудил. Нормальным ведь рожала, что ж с тобой не так? – Она сказала это так, что сердце у Ромки защемило.

– Да пошла ты! Сама родила – сама и расхлёбывай. Ромка схватил сумку и вылетел из квартиры. Зря, наверное, он так. Погорячился. Но она сама его довела. Он и так не в настроении сегодня, а ещё и она ему на мозг давит.

Холодный воздух немного привёл в чувство. Нет времени на всё это. Чем раньше он доберётся до города, тем больше времени у него в запасе будет. На часах было ещё шесть утра. Самый ранний автобус – через пятнадцать минут.

На остановке постепенно собирались люди. Автобус подъехал. Ромка попытался прошмыгнуть вместе со всеми.

– Стой, парень! – рыкнул водитель. – Проезд стоит сорок рублей.

Ромка вытащил купюру и положил на стойку.

– От таких, как ты, одни беды.

Не хватало ещё нравоучения выслушивать. Он дождался сдачи и прошёл вдоль автобуса – в конце было одно свободное место рядом со спящим мужчиной.

Спустя несколько остановок он доехал до нужной точки. Включил экран смартфона. Часы показывали девять утра. Времени должно хватить, чтобы успеть.

Для начала он решил заглянуть в магазин техники, там частенько нужно было помочь с разгрузкой или листовки раздать.

– Народ, привет!

– Привет, Ромка, – помахал ему менеджер. – Извини, сегодня нет ничего. Приходи завтра.

– Угум, – кивнул Ромка и пошёл дальше.

Так он обошёл по всему городу пятнадцать своих «точек» до двенадцати дня. Либо работы сегодня нет, либо уже кого-то другого попросили, и помощь не требуется.

Наконец он решил походить по другим магазинам, где видел, что фура с товарами приехала на разгрузку. На третьем магазине ему повезло – разрешили помочь и даже пообещали заплатить. Он засучил рукава и принялся за работу. Пока работники магазина координировали, куда складывать товары, он вместе с водителем за полтора часа разгрузил три машины. Ромке действительно заплатили. Целых пятьсот рублей.

Обещали больше, но он случайно разбил пару бутылок на складе, их вычли из его гоночара. Но всё равно неплохо. Двести рублей ему ещё подкинул водитель «на мороженое».

Ромка разблокировал экран даниэласмартфона. Было уже три часа. Денег всё ещё не хватало. Уже не смертельно, но надо было что-то ещё придумать. Он долго обзванивал знакомых. Кое-кто ему занял ещё двести рублей.

Часы показывали уже половину пятого. Надо было идти, делать нечего. Ромка быстро дошёл до инсталляции с металлическими трубачами.

– Неужели ты вовремя? – хихикнул Антон.

– Я всего один раз опоздал, и то это было из-за училки.

– Ладно, давай без оправданий. – Антон вытащил кулёк.

– Вот твой заказ. С тебя деньги.

Ромка вытащил из кармана слегка помятые купюры.

– Здесь сто шестьдесят рублей не хватает. Чуть позже верну.

Антон положил кулёк обратно за пазуху.

– Ром, ну, так дела не делаются. Если у тебя денег нет, то кому-нибудь другому продам. Не парься. – Антон махнул рукой.

– Нет, стой! – Ромка запротестовал. – Я тебе в два раза больше верну. Хочешь?

– Ром, я вернусь через три часа, как мама выпустит. Если не будет денег, то сам и виноват.

Антон накинул капюшон и деловито ушёл куда-то в сторону парка. Спорить с ним было бесполезно. Ромка приуныл. Где он под вечер найдёт ещё денег? Он в долг взял у всех, у кого можно. Больше никого нет.

Ну где он сейчас найдёт деньги?

Он пошёл обратно к магазинам. Вдруг что-то поменялось, и срочно требуется работник? Тут взгляд упал на зелёную бумажку, которая лежала в листве. Ромка, словно хищник, прыгнул в сторону бумажки и схватил её. Он не мог поверить в свою удачу! Двести рублей одной купюрой.

Он быстро положил деньги к пачке и на всякий случай пересчитал – хватает. Даже на автобус до дома ещё останется. Время близилось к восьми. Темнело. Надо успевать, пока Антон не надумал себе чего-нибудь.

Ромка свернул во дворы. Так было быстрее, напрямик.

Но внезапно послышался шум – скрип плохо смазанных качелей и лёгкий гогот. Ромка затаился. Он всегда был настороже, и интуиция его ни разу не подводила. Он быстро спрятался за мусорными баками. Мимо прошли два пацана. Один покрупнее, второй мелкий.

– Да не ной ты, ща чего-нибудь намутишь.

– Да не ною я!

Они прошли мимо деревца по дорожке, где секунду назад шёл Ромка. Ему даже показалось, что у мелкого блеснул ножик. Только этого ещё не хватало. Каких-то отморозков сюда занесло.

Наконец они ушли.

Ромка выдохнул. Может, он слишком перестраховывается, но попадаться им совершенно не хотелось. Он аккуратно обошёл мусорные баки с другой стороны и пошёл дальше.

Внезапно позади что-то разбилось. Послышался крик. Ромка продолжил идти. Его это совершенно не касается. У него дела. Крик раздался снова.

«Ром, это не твоё собачье дело». Он остановился. «Мало ли кто там визжит? Дети играют. А у того гопника нож вообще- то был. А если там действительно что-то происходит, что я-то им сделаю?» Рома сделал ещё пару шагов и просто встал. «Да пошло оно всё».

Во дворе было относительно тихо. Никого не было видно.

Но звуки всё же были. Похоже, кто-то плакал.

Наконец, он увидел картинку: один пацан стоял возле качелей. А другой склонился над девочкой.

– Да хватит ныть. Просто телефон отдай и гуляй себе отсюда.

Девочка повернула голову и увидела Ромку. Она сжалась ещё сильнее.

Надо валить. Не его дело совершенно, что они тут задумали. Нечего втягивать себя в неприятности. Нужно торопиться. Другого шанса не будет. Антон может его просто не дожждаться.

– Что тут происходит?! — крикнул Ромка самым грозным голосом, на который только был способен.

Он уже пожалел, что это сделал, и надеялся только, что они не услышали, как дрожал его голос. Теперь нужно просто идти прямо на них. Не подавать виду, что ему страшно. Они могут занервничать от неожиданности и просто уйдут.

Но, похоже, Ромка ошибся.

– Ну, привет, малыш. Ты нам тоже подойдёшь.

Они быстро его окружили. Ромка встал в боевую стойку, но не успел среагировать. Звёздочки посыпались из глаз, и он на несколько секунд потерял сознание. Пришёл в себя почти сразу же – он лежал на грязной земле. Его били ногами по животу.

– Опля! Вот это куш. Спасибо, малыш.

Они быстро развернулись и ушли. Ромка медленно поднялся, хватаясь за ушибленные места. Ему частенько прилетало, но это уже какой-то перебор. Они явно на пару классов старше. Детины.

– Уроды... – промямлил про себя Ромка.

Рука привычно залезла в правый карман куртки, где лежали заработанные деньги. Но ничего не нащупал. Карман был пуст.

– Да за что мне всё это?! – Ромка едва не заплакал от обиды.

Что теперь делать? Теперь Антон точно ничего не отдаст, без денег.

– Р-Рома, это ты? – Ромка повернулся на голос. – С- спасибо тебе. Мне так было с-с-страшно.

Ромка её узнал. Это была его одноклассница Лиза. Он старался на неё не злиться, потому что она была во всём этом не виновата. Но кто ж просил эту дуру идти в темноте дворами!

– Ой, Лиз, не до тебя сейчас вообще. А-ай! – Девочка решила его обнять и случайно задела синяк.

– Отстань. Больно. Должна будешь, короч.

Ромка отмахнулся от девочки. Некогда возиться. Надо искать решение, что делать дальше. Как убедить Антона? Или, может, просто украсть, а расплатиться потом? Но Антон – крыса та ещё, расстреплет всем потом.

– Ром, вот.

– Я же сказал, я заня... – Ромка потерял дар речи, увидев, что она протягивает ему купюру в пять тысяч.

– Мне дедушка подарил на день рождения. Но тебя ограбили из-за меня. – Она натянуто улыбнулась. – Считай это вознаграждением.

Ромка хотел было просто уйти, но не смог. Ему не нравилась ситуация, и не мог он за такое у девочки взять деньги, но ему было срочно нужно.

– Они украли у меня меньше. Я возьму деньги, раз предлагаешь. – Ромка осторожно взял купюру. На секунду он подумал, что она будет обвинять его в краже, но этого не произошло. – Но я тебе скоро верну.

Лиза улыбнулась. Уже искреннее, чем до этого. И протянула ему какую-то бумажку.

Когда Рома ехал обратно на автобусе, он дремал стоя. В руке сжимал свёрток. Автобус качало, и там не особо хорошо пахло. Но несколько он возвращался домой, и качка автобуса его успокаивала.

– Где ты шляется?! – знакомый голос уже не был таким грозным и звучал даже по-родному. – Почему ты весь перемазанный? Ты опять не был в школе? Что я тебе говорила? Ты вообще не понимаешь ничего, что ли?

Ромка улыбнулся, обнял мать и прошёл дальше в комнату. Сестра, как всегда, лежала в кровати. Как только он вошёл, её глаза засияли.

– Принёс? – Она радостно сжала кулачки и подняла ручки в ожидании.

– Ну я же обещал. А я всегда держу своё слово, – подмигнул Ромка и вытащил свёрток.

Сестра распаковала небрежно упакованный свёрток и радостно воскликнула:

– Какая красота! – Она держала в руках куколку в пышном платье. – Пряма та, которую я хотела!

Ромка обнял сестру и чмокнул в лоб.

– Рад, что тебе понравилось. С днём рождения, дорогая. Она подняла голову и посмотрела прямо в глаза.

– Мама сильно злится?

– Да не переживай, это она на меня. Скоро успокоится.

Так они просидели в обнимку ещё какое-то время, пока сестра не заснула. Затем Ромка укрыл сестру одеялом и задёрнул шторы. Вытащил из кармана бумажку, которую дала ему в руки Лиза. Это был её номер телефона.

Ромка усмехнулся. В боку резко закололо. Лицо саднило. Но настроение было хорошее. Всё ещё впереди.

Евгения Симакова. АНГЕЛАМ БОЛЬНО ПАДАТЬ

Снова девушка в красной шапке выгуливает свою невидимую собачку. И не надоело ей? Шпиц, до ужаса породистый, умер ещё щенком. Спрятался под колесом соседской машины. Целый вечер искали – не нашли. Наутро весь двор услышал душераздирающий собачий визг.

– Чарли! – закричала девушка и подскочила с кровати.

Она подбежала к кухонному окну, и над двором ещё долго разносились плач и далеко не женская брань. А сосед чего? Просто поехал на работу как обычно.

И Чарли теперь не Чарли, а жутко породистая лепёшка на асфальте.

Всё бы ничего, но девушка в красной шапке никак не успокаивалась: вечером пошла наводить разборки.

– Что ты мне своей шавкой тычешь? – вместо слов сочувствия спросил сосед.

Низкий, чуть полноватый мужчина с насупленными косматыми бровями никогда не отличался особым дружелюбием.

– Меньше кашаек во дворе будет, – вылетел единственный аргумент, который никого не устроил.

– Скотина бездушная! – выругалась девушка и перестала здороваться с хмурым мужиком.

Все заиклены на своей боли, и это нормально. Мужик не видел особой проблемы в том, чтобы купить новую собачку. У девушки в красной шапке в этот же момент прямо на глазах рушился мир.

* * *

Иду по «Красивому берегу» и замечаю, как этот самый бездушный сосед сидит на лавочке и разговаривает с теми, кого уже не увидеть. Мужик проворно поворачивается то в одну, то в другую сторону. Слышу только имена – Андрей и Алина.

Дети его. Умерли в один год: один за другим. Алинка – яркая девчонка, только глупая. Каждый использовал её, как хотел. Отец запрещал общаться с парнями сильно старше дочери. Она, конечно же, не воспринимала запреты всерьёз.

– Мне уже девятнадцать! — заявила она на весь подъезд, когда в очередной раз сбегала из дома.

«Второгодница», «страшила» и «шкура» – клички сопровождали Алину всю школьную жизнь. Девушка просто хотела ласки, тепла и понимания. Она шла туда, где всё знакомо. Да, ею пользовались во всех смыслах и все те, кому позволял её начальник. Что говорит – то и делаешь. Зато на целый час Алина хоть кому-нибудь становилась нужна.

– Слышь, да кто тебя, такую дылду, ещё возьмёт? – усмехался начальник.

Алина всегда чувствовала себя белой вороной. Выше сверстниц почти на голову. Старая одежда, неопрятный внешний вид. Никто не учил, как нужно за собой ухаживать.

Если бы не эти ужасные видео, где она угождает местному толстяку, всё могло сложиться иначе.

Слухи расплозились быстрее, чем змеи. Самое страшное – теперь в телефоне каждого прохожего лежало доказательство. Алина – та, кем её считают.

– Виталя, видел дочку свою? Актриса растёт, – ржал знакомый из мастерской, обращаясь к отцу Алины.

Отец на удивление не орал. Ходил мрачнее тучи и ни с кем не разговаривал. Через пару дней подошёл к Алине и ударил её грязной тряпкой наотмашь прямо по лицу. Дочь посмотрела на него глазами испуганной собаки, но на этот раз не ушла из дома. Заслужила.

Младший брат через год закончит школу. Ему проблемы Алины неинтересны. Они не разговаривали и ни разу не обсуждали происходящее. Он отдельно, она отдельно. У каждого свои ошибки. Просить защиты – глупо. Жаловаться – бессмысленно.

– Андрюха, твоя сестра...

Как только пацаны во дворе заводили эту тему, он обрубал.

– У меня нет сестры, – тихо отвечал Андрей.

– Знаешь, куда я вчера её отымел? – подначивал один из дворовых.

Андрюха, слабенький и хлипкий, не мог ответить здоровым амбалам. Приходилось защищаться хитростью.

– Слышь, гнида, у меня нет сестры! – крикнул брат Алины так громко, что не услышал бы только глухой.

Он не хотел, само получилось.

Алина стояла за домом. Потом сидела. Потом рыдала. Сходила туда, где всегда нужна хотя бы на час, и вернулась домой.

Андрей сидел в кресле напротив окна, когда Алина встала на подоконник. Брат подбирал слова, чтобы впервые поговорить с сестрой обо всём, что так долго замалчивалось. Алина открыла форточку, чтобы в комнате проветрилось.

– Я хотел сказать... – начал было Андрей и остановился.

Он опустил голову так, как делал это каждый раз, когда отца вызывали в школу.

В последние несколько раз отец забирал его вусмерть пьяный.

– Бать, зачем бухой пришёл? Тут же учителя, – Андрей пытался достучаться до отца.

– Поговори мне ещё тут, гадёныш, – срывался на крик отец и кидался на сына. – Двоечник поганый, да если бы мать узнала!

Слышать из каждого угла про то, с кем переспала дочь, стало невыносимым. Виталий решил топить горе в стакане – самый сподручный вариант.

– Я хотел сказать... – Андрей ещё раз попробовал начать разговор и заёрзал в кресле.

Захотелось отвернуться, чтобы не пришлось смотреть сестре в глаза. Он так и сделал. Говорить важные вещи иногда проще, если не видишь собеседника.

Алина открыла большую створку. Последние майские деньки. Её снова оставят на второй год. После объявления годовых оценок она пойдёт туда, где её гладят по волосам, а отец опять напьётся. Брат сделает вид, что ничего не происходит. И всё опять по кругу.

Андрей набрал в лёгкие побольше воздуха, чтобы сказать то, чего боялся услышать сам. Алина сделала шаг. Случайный или нарочный – никто этого не узнает.

– У меня рак, – признался Андрей и повернулся в кресле. Сестра исчезла так, как исчезают призраки. Подоконник пустой. Андрей не сразу понял, что произошло. Когда понял – уже ничего не смог сделать. Никто из его семьи больше не слышал кличек Алины. Каждый, кто её знал, боялся называть имя девушки вслух. «Дылда», «шкура» и «второгодница» лежали в одной могиле.

Отец потихоньку спивался. Андрей думал, что похороны матери – самое страшное, с чем ему приходилось сталкиваться. Нет. Хоронить сестру – это новый уровень сложности. Не дать по лицу её «начальнику» – сложнее, чем бороться со смертельной болезнью. Не убить каждого, кто так или иначе прикасался к Алине. Ни разу не сказать отцу, что это он во всем виноват.

Андрея спасли тренировки на площадке, а после – в спортивном зале. Доктора назначили курсы химиотерапии. Тяжёлая атлетика заменила никчёмную жизнь на что-то по-настоящему стоящее. Масса набиралась быстро, про химиотерапию не шло и речи. Плевать на усталость и наращивать веса. Участвовать в соревнованиях. Быстрее, выше, сильнее.

Парень слышал, как за его спиной шепчутся. Чтобы перемывать кости, не нужно прикладывать конских усилий. Никаких докторов, никаких диагнозов. Никакого дела до сына. Отец целыми днями прикладывался к бутылке и хоронил Алину внутри себя.

– Это я убил её, – как-то раз признался хмурый мужчина своему сыну.

– И я, – поддержал Андрей. – Мы сделали это вместе. Отец хотел со злости ударить сына. Он не успел заметить, когда тот превратился в грудку мышц и стальной характер. Рука не поднялась.

В день выпускного Виталий и все одноклассники Андрея поехали на кладбище. Рядом с могилкой Алины – ещё одна, свежая. Раку плевать и на мышцы, и на стальной характер. Болезнь вообще своенравная штука – ей не наплевать только на лекарства и терапию. Андрея провожали в день его школьного выпускного. Собралось полгорода.

– И куда папаша смотрит? Сначала девчонку упустил, теперь вот... – сказала женщина из соседнего подъезда, не подозревая, что её слышит отец Андрея.

С алкоголем Виталию пришлось завязать. Устроиться на работу, поставить на тумбочку возле кровати три фотографии. Жена, Алина, Андрюша. Сердце не вмещало так много любви. Хотелось плюнуть на всё и отправиться к ним, но останавливала навязчивая мысль в голове: «Ты должен жить за троих».

Потом ещё история с этой мелкой собакой. Девчонка в красной шапке переехала в этот район недавно и не знала о трагедии соседа. Теперь она вынашивала собственную.

Мужчина тяжело дышал каждое утро от страха и одиночества. Ехал на работу на раздолбанной «Ниве» и как ни в чем не бывало общался с другими мужиками. Слушал про их семьи, успехи детей и вкусные ужины. Оставалось только приехать домой, включить телевизор погромче и выть в подушку. Ещё одна смерть на его совести. Маленький породистый шпиц заливался лаем в кошмарных снах Витали.

Когда открыли «Красивый берег», многие сторонились этого места. Виталия первым вышел на прогулку. Огромные кусты сирени, внизу тихая речушка, отвесный склон, новенькие лавочки. Свежий воздух, вокруг ни души.

Когда к ноге Витали подбежал маленький жутко породистый шпиц, мужчина не поверил глазам.

– Ты тоже его видишь? – спросила девушка в красной шапке, напрочь забыв про субординацию.

Виталия робко кивнул и нахмурил кустистые брови.

– Иди сюда, мой маленький! – засюсюкала девчонка и надела на шею щенку принесённый с собой ошейник.

Виталия как в тумане побрёл дальше. Ещё несколько шагов

– и к нему вышла молодая жена. Слезы копились слишком долго. Через несколько метров вышла Алина. Старенькая дырявая кофточка и потёртые джинсы.

– Пап, принеси мне на могилку новую одежду, – попросила дочь и впервые за многие годы прижалась к отцу.

– А мне спортивный рюкзак, – добавил Андрей.

Сын не подошёл, сел на ближайшую скамейку и дождался, пока отец сядет рядом.

– Не больше часа, – заботливо предупредила жена. – И только раз в неделю. Ты должен жить за троих.

Виталий понял, кто нащёпывал ему эти слова. Так и завелось: он приходил на «Красивый берег» один раз в неделю всего на час.

Девчонка в красной шапке приходила гулять со своим щенком каждый день.

Её дело. Виталий не вмешивался.

Я часто наблюдаю за ним со стороны. Хороший он мужик. Многие приходят сюда и не выдерживают тяжесть разлуки. Прыгают с этого самого «Красивого берега», чтобы больше ни

на минуту не расставаться с любимыми. Таких я не понимаю и, больше того, не уважаю. Из-за них этот берег зачастую называют «Красным».

– Папа! – слышу крик пятилетнего малыша.

Он подбегает, чтобы залезть ко мне на шею. В свои пять лет мальчишка ничего не боится. Я показываю ему разных животных и рассказываю, что нужно обязательно попробовать в жизни. Мы успеваем пройтись по берегу туда-сюда раза три. Меня насмерть сбила машина, когда он только-только родился. Как же я переживал, что больше никогда его не увижу. Увидел. Вот он – живой, целёхонький.

– У тебя час, – говорит бывшая жена и наблюдает за нами издали.

Радуюсь, как в детстве. Мои пришли.

Константин Соколов. МАКЛАЯ

Была там ещё одна женщина – невысокая, моих лет, в теле. Пару дней в неделю она приходила убираться в гостинице, и я не помню случая, чтобы она хоть раз постучалась в мой номер, прежде чем войти. Нет. Она распахивала дверь и с молчаливым укором стояла в проёме, ожидая, когда я покину комнату.

В тот момент её взгляд говорил: «Уйдёшь ты наконец или нет, городской бездельник? Мне работать надо». Под прицелом её серых глаз я тушевался, выскакивал в коридор, чувствуя себя отчего-то виноватым.

Впрочем, она была права – в те дни я действительно бездельничал. Сценарий фильма, что я написал для юбилея местного рыбколхоза, был отправлен на согласование руководству, и в ожидании вердикта я дни и ночи торчал в гостинице, лишь изредка выбираясь за сигаретами в магазин или за пирожками в привокзальный буфет.

В один из таких дней, стоя в коридоре и любясь красотой северной природы за окном, я услышал грохот из своей комнаты. Затувив бычок, я бросился назад, но, ступив на порог, тут же замер, едва не намочив ноги в луже воды. Ведро

– пустое – раскачивалось рядом с кроватью, швабра и тряпка валялись возле стола. Женщина, сгорбившись, сидела на стуле с безвольно повисшими руками. По её щекам текли слёзы.

Не зная, как утешить гостью, я схватил тряпку и принялся собирать воду в ведро.

– Не надо, – слабым голосом произнесла она, – я сейчас сама...

– Вот ещё! – воскликнул я с нарочитой деловитостью.

– Плачущая женщина – это всегда вина мужчины. Меня так мама учила.

– Хорошая у вас мама...

– Самая лучшая!

Обернувшись, я заметил, что после моих слов женщина побледнела и закусил губу.

В этот момент в коридоре послышался стук каблучков: «цок-цок». Так по гостинице ходила только заведующая. Женщина напряглась:

– Бросьте... Я хмыкнул:

– И не подумаю!

– Меня накажут...

Каблучки остановились напротив моей двери.

– Можно? – спросила, заглядывая, заведующая. – Что у вас случилось?

– Да вот запнулся, воду разлил, – соврал я, выжимая тряпку в ведро.

– Ясно, – по выражению лица заведующей я понял, что она мне не поверила. – Маклая, а с тобой что?

Женщина пожала плечами, мол, не знаю, что сказать.

– Зайдёшь потом, – наказала заведующая. Маклая кивнула:

– Хорошо.

Каблуки зацокали в обратном направлении.

– Спасибо вам, – Маклая попыталась встать, – дайте тряпку, я домою.

– Ни в коем случае! – запротестовал я. – На сегодня хватит работать! Да и незачем. Видите, всё уже чисто. Обещаю вам больше не сорить.

– Спасибо, – в уголках её губ мелькнула улыбка. Это придало мне смелости.

– Давайте я провожу вас, – сказал я, – мало ли что... Маклая поднялась:

– Не надо. Со мной всё в порядке.

Собрав рабочий инвентарь, она пошла к двери.

– Меня Егор зовут, – крикнул я вдогонку. Женщина остановилась, обернулась:

– А вот это уже лишнее. Взгляд её вновь потух.

Тем же днём, проходя мимо поста, я как бы ненароком спросил у дежурной:

– Та женщина, что убирается в номерах... Странное у неё имя – Маклая. Никогда раньше не слышал.

Оторвавшись от заполнения журнала, дежурная сняла очки, тщательно протёрла их платком. Делала она это нарочито медленно, раздумывая над каждым словом. Дежурная знала, что в гостинице я на особом положении – живу за счёт рыбколхоза, можно сказать, на короткой ноге с руководством.

– Маклая наша знаменитость. Художница, – наконец проговорила она. – В Ленинграде училась. Выставка её картин была в Доме культуры. Даже в газете про это писали.

– Художница? – опешил я. – А что же она тогда полы здесь моет?

– Мать больная. Из-за матери вернулась.

– Вот оно что!

Я хотел ещё спросить дежурную про семейное положение Маклаи, но осёкся. Буркнув «Спасибо», вышел из гостиницы. Несколько минут потоптался на крыльце, после чего побрёл за сигаретами.

Всё дорогу до магазина у меня не выходил из головы образ сидящей на стуле Маклаи с повисшими руками. Как ей помочь? Чем? Примет ли она мою помощь?

И внезапно меня осенило!

Идея была столь проста и элегантна, что, забыв про сигареты, я заторопился в местную библиотеку.

Знакомая библиотекарьша, помогавшая мне со сбором материала для сценария, горячо поддержала идею:

– Ах, какой вы молодец! Отличная мысль! Надо обязательно рассказать в вашем кино про Маклаю! Она того заслуживает. Наша гордость! Красавица! И автопортрет её обязательно снимите крупным планом.

– Какой автопортрет? – удивился я.

– Да вот же... – библиотекарьша кивнула на свободную от книг стену, где висел красивый женский портрет.

– Что?!

Я много раз разглядывал эту картину, но мне и в голову не приходило, что девушка, изображённая на ней, – это Маклая!

– А вы как думали? Там и статья про неё в рамке висит. Статья в районной газете за сентябрь прошлого года, посвященная Макеевой Аглае (так вот откуда взялся псевдоним Маклая!) называлась «Наш самородок». Новых сведений из неё я почерпнул мало, больше моё внимание притягивал автопортрет художницы. С картины на меня смотрела весёлая очаровательная девушка, в которой я никак не мог признать нынешнюю измождённую женщину.

«Обещаю вам больше не сорить», – утром пошутил я и вызвал её лёгкую улыбку.

Едва я это вспомнил, как случилось чудо! Два женских лица соединились в одно. Для меня больше не было уставшей уборщицы, а была только прекрасная художница. Что же с ней произошло за этот год?

Если дело в больной матери, то почему нельзя перевезти её в город, где и уход, и условия лучше? А что с отцом Маклаи? Есть ли у неё братья, сёстры, другие родственники?

Ни библиотекарьша, ни продавщица в магазине не ответили на мои вопросы – для деревенских я был чужаком.

Два дня я проторчал в гостиничном номере, желая только одного – скорее оказаться под прицелом серых женских глаз. При каждом шорохе в коридоре я подскакивал, надеясь, что дверь сейчас распахнётся и в проёме застынет женщина с немим укором. Но Маклая не приходила. Наконец, утром третьего дня, в номер постучали.

– Да, заходите! – крикнул я.

В комнату вошла незнакомая женщина с ведром:

– Можно?

Я растерялся:

– Да, конечно... А где Маклая?

Поставив на пол ведро с водой, женщина ответила:

– Мать у неё совсем плохая. Попросила меня на день подменить. Не возражаете?

– Что вы!

Выпросив адрес Маклаи, я выскочил в коридор. Мимо дежурной постарался пройти с самым равнодушным видом. Мне подумалось, что она не одобрила бы мой поход к художнице.

Маклая жила через три улицы от гостиницы. Её дом заметно отличался от добротных соседских – неказистый, с покосившимся, местами дырявым забором и разбитой калиткой. Хозяйство давно не знало мужских рук. Маклая копошилась за оградой.

– Аглая, здравствуйте! – крикнул я с дороги. Девушка вздрогнула, обернулась:

– Это вы? Здравствуете. Что-то случилось? Валька не пришла?

– Пришла-пришла... Я поговорить с вами хотел.

– Поговорить? О чём? – удивилась художница.

– Я пишу сценарий о вашем рыбколхозе, будем снимать фильм. Хотел бы рассказать о вас. Вы же местная знаменитость.

Маклая усмехнулась:

– Разболтали уже.

– Нет-нет! – запротестовал я. – Я в газете про вас прочитал.

Девушка напряглась, как тогда в номере, когда слышала цокот начальницы.

– Не надо обо мне рассказывать, – проговорила она. Я растерялся:

– Почему?

– Не надо, и всё! Я против. Ещё что-то?

– Тогда... – я судорожно соображал, как привлечь внимание Маклаи к себе, – тогда... нарисуйте мой портрет! За деньги!

Я назвал довольно приличную сумму. Маклая замотала головой:

– Ничего у нас не получится.

– Это почему?

– Не вижу я вас, понимаете? Я опешил:

– Не видите? Как это? Вот же я! Маклая нахмурилась:

– Простите, я не так выразилась... Душу я вашу не вижу.

Душу!

Мне стало обидно:

– По-вашему, я бездушный, что ли?

– Что вы! Дело во мне. Огонь погас... Я уж забыла, когда кисть в руки брала...

– Макла...

– Тихо! – девушка замерла, прислушиваясь. – Мама зовёт... До свидания!

И скрылась в доме.

Немного постояв перед калиткой, вернее, перед тем, что от неё осталось, я поплёлся в гостиницу.

На следующий день я получил сообщение, что сценарий утвердили, и я вернулся в Питер. Городская суета закрутила, завертела, у меня появились новые проекты, я обдумывал новые сценарии, но из головы никак не выходила деревенская художница с серыми глазами.

Съёмки фильма не требовали моего присутствия на съёмочной площадке. Я вернулся в рыбколхоз примерно через полгода, когда творческая группа приехала сдавать проект.

Заселившись в гостиницу, первым делом спросил у дежурной, работает ли ещё Маклая.

– У-у-у, – протянула она, – вспомнил кого! Уехала Маклая. Как мать похоронила, так и уехала. Месяцев уж пять назад.

– Уехала? А куда? Дежурная пожала плечами:

– Откуда же я знаю? Мы с ней не родственники.

– И дом продала?

– Да кому он нужен? Стоит заброшенный.

Прошло ещё несколько месяцев. И однажды я встретил Маклая в центре Питера у храма Спас на Крови. В стайке уличных художников она рисовала портреты на заказ.

– Здравствуйте, Аглая! – сказал я, улыбаясь. – Узнаёте меня?

– Здравствуйте, – ответила она. – Да, я вас помню.

– Вижу, вы вернулись к работе. Рад за вас. Теперь-то нарисуете меня?

И как в прошлый раз, она покачала головой:

– Извините, но я вас по-прежнему не вижу...

Михаил Стародуб. УВИДЕТЬ СМЕРТЬ

Бык – клубок мышц, грудь-колесо.

Старик, хозяин быка – угловат. Под рубахой торчат кости. Лицо – сплетенье морщин. «Видавших дела» тропочек и тропинок, которые со множеством прочих сельских дорог, полные ещё летней пылью, обнажаются по осени в полях жухлой травы.

В первую ночь октября старик разучился жить. Жизнь удержалась где-то в памяти, но не в сердце. Смерть холодила спину. Оставаясь невидимой, нагоняла страх. Иногда страх был настолько огромен, что хотелось кричать. И старик кричал. Пальцами рук и ног, горьким комом в горле, распахнутыми до дна глазами.

Бык слышал этот крик и дрожал боками.

Накричавшись, старик отдыхал. Отдохнувши – оглядывался. В поисках того, беспощадного, холодящего спину. Старик хотел видеть смерть.

К утру желание увидеть смерть стало необходимостью. Единственно возможным избавлением. Старик выпил кипятку с сахаром, съел сухарь. И решил убить быка.

Сам он этого исполнить не смел: в памяти, куда отступила жизнь, хранилась среди прочего нежность к существу с печальными глазами.

Старик вышел на улицу поискать пару рук. Подходящих, чтобы убить.

Осенний денёк был добр. Старик – ноги разбросаны, шея кривая – шлёпал по серебристым лужам. По рыжим листьям. Щурясь от света и от страха за спиной.

На окраине села ему встретились двое солдат. Бритоголовые мальчишки в новеньких гимнастёрках, в пахнувших магазином сапогах, пришли в село по армейским делам.

Спина старика сломилась в поклоне, губы дрогнули. Посыпались слова: «Бык строптив, и старик устал. Свои дадут мало, а в районный центр, где продать хорошо бы, – слаб подняться. Когда бы продать мясо... свои, деревенские возьмут, не откажутся».

Мальчишки в новеньких гимнастёрках оказались новобранцами из городского пополнения. Вечером этого дня они пришли, чтобы помочь старику.

Солнце шагнуло за край земли. Розовые следы его обозначились на небе. Старик ждал во дворе. Рядом с ним – до чего же здоров! – ждал бык, грудь-колесо.

– Тротиловая шашка, – сказал один из новобранцев, бечёвкой пристраивая на рогах у быка мёртвый продолговатый предмет.

– Ничего более подходящего, к сожалению, не нашлось, – извинялся другой новобранец, укладывая старика в кювет у забора. – Противотанковая... – уважительно жмурился он.

– Вдарит сейчас...

– Поджигаю бикфордов шнур! – зазвенел голосом первый новобранец и прыгнул в кювет.

Во дворе метался бык. Старик сморщился, чтобы заплакать. Слёзы не приходили. Розовые следы на небе – поблёкли, расстроились.

– Долго-то как! – удивлялись новобранцы. – Может быть...

Грохнул взрыв. Старик встал.

Разворочена часть стены. Покосилась крыша. Старик глядел на смерть и пытался плакать. Глаза оставались сухими. Жизнь не возвращалась.

Евгения Блинчик. ТЕЛЕФОННЫЙ НОМЕР

Этот пациент был навязчивый и занудный. Не проходило дня, чтобы он не оказывался в ординаторской и не рассказывал лечащему врачу о том, что у него большой бизнес в Москве, жена – красавица, дети в элитной школе, яхта и верный друг, с которым он начинал дело. Врач слушал со скукой, очередной раз глядя на сопроводительные документы, по которым выходило, что нашли пациента на ялтинской трассе, в целенаправленном движении в сторону Алушты. Ясного ума и памяти он не демонстрировал, грязен и вонюч был до невозможности, а степень избитости не поддавалась описанию. «Голубой залив»⁶ был забит полностью, поэтому транспортная бригада скорой помощи, получив по возможности отмытого в санпропускнике бродягу, повезла его в Симферополь, в психбольницу номер один.

– Он, конечно, обработанный, – предупредил фельдшер транспортной бригады, – но смотрите внимательно: вши на нем были колированные⁷...

Шёл четвёртый месяц пребывания бедняги в отделении. Имени своего он так и не вспомнил, но стал тихим и спокойным. Только вот навязчивость с идеями усилились. Третий раз менялось лечение и увеличивались дозы препаратов, а бред становился только крепче.

– Так что – мне его в бараний рог завернуть нейролептиками?⁸ – обозлился в ответ на жалобы персонала врач. – Работа ваша, терпите...

И добавил непечатное слово. Для более глубокого закрепления этой истины в умах. Истина закрепилась. А в идеях появились новые детали. Например, стали фигурировать армянский коньяк и текила, распиваемые на яхте за маленьким филигранным столиком из красного дерева. Или погружения с аквалангами с борта той же яхты, не доходя до рейдового порта в ялтинской акватории. Или дивный хрустальный стакан, после которого – всё! – был провал.... Перелом наступил через месяц, когда унылый осенний дождь отменил прогулку отделения во внутреннем двореке. Пациент зашёл в ординаторскую с задумчивым видом и со словами:

– Мне кажется – это телефонный номер. Не знаю, чей. Но позвоните, а? – вручил врачу клочок бумаги с неровно записанным рядом цифр.

⁶ «Голубой залив» – стационарное отделение ялтинского психдиспансера (прим автора).

⁷ Колированные – садоводческий термин, обозначающий прививание культурного ростка к дикому растению, в данном случае используется как сленговое выражение, обозначающее: отборный, крупный (прим автора).

⁸ Нейролептики – препараты, которые чаще всего применяются для лечения психозов (прим. автора).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.